

бы себя самымъ фарисейскимъ образомъ, если бы сталъ отрицать въ себѣ живое и плодотворное зерно любви къ истинѣ: всѣ мои статьи были плодомъ этой любви; только самолюбие всегда тутъ вмѣшивалось и играло большую или меньшую роль. Даже въ дружескомъ кругу, рассуждая о чемъ-нибудь, я вдругъ краснѣлъ оттого, что нехорошо выразилъ мою мысль, или, что бывало всего чаще, неловко сострилъ, или отъ противной причины (Боже мой! — какая мелочность); *но какъ скоро дѣло касается до моихъ задушевныхъ убѣждений, я тотчасъ забываю себя, выхожу изъ себя, и тутъ давай мнѣ каведру и толпу народа, я ощущу въ себѣ присутствіе Божіе, мое маленькое я исчезнетъ, и слова, полныя жара и силы, трѣкою польются съ языка моего*“...

(Дальше Бѣлинскій переходитъ ко второму своему недостатку — чувственности, и говоритъ):

„...Пустяки, я давно созналъ ея гадость, а сознание недостатка убиваетъ недостатокъ. Да и можетъ ли быть, чтобы человѣкъ, который такъ вѣрно понимаетъ назначеніе женщины, какъ я, который питаетъ ко всякой достойной женщинѣ такое святое, такое робкое чувство благоговѣнія; душа котораго такъ жаждетъ любви чистой и высокой и, можетъ быть, уже не разъ трепетала и замирала отъ предчувствія этого блаженства, можетъ ли быть, чтобы такой человѣкъ не имѣлъ силы побѣдить низкія чувственныя побужденія и возгнущаться ими?..“

„... Тебѣ извѣстны мои понятія о людяхъ, ты знаешь, что я раздѣляю ихъ на два класса — на людей съ зародышами любви и людей, лишенныхъ этого зародыша. Послѣдніе для меня — скоты, и я почитаю слабостью всякое снисхожденіе къ нимъ. Но когда я вижу человѣка съ зародышемъ чувства, то какъ бы глубоко ни палъ онъ, но если, въ самомъ паденіи, онъ сохранилъ инстинктъ истины и сознание своего паденія, онъ братъ мой, и я не могу презирать его.

„Благодать Божія¹⁾ не дается намъ свыше, но лежитъ, какъ зародышъ, въ насъ самихъ; но не въ нашей волѣ вызывать ея дѣйствіе, и въ этомъ отношеніи она намъ дается. Человѣкъ ничего не можетъ сдѣлать для своего совершенства, дѣйствуя своею волею *положительно*, но много можетъ для него сдѣлать, дѣйствуя ею *отрицательно*. Я не могу возбудить въ себѣ чувства, когда оно замерло во мнѣ, не могу наполнить блаженствомъ мою душу, убитую и истощенную порокомъ, словомъ, я не могу взять себѣ добродѣтель, но могу бросить порокъ. Тогда во мнѣ не останется ничего, потому что не быть порочнымъ еще не значить быть добродѣтельнымъ; я буду пустъ совершенно. Но для человѣка съ потребностью жизни нельзя долго оставаться въ состояніи пустоты: сильнѣйшее начало его натуры скоро должно взять верхъ, если только онъ не вздумаетъ удовольствоваться отрицательнымъ совершенствомъ; но такъ какъ для послѣдняго случая надо родиться подлецомъ, пошлякомъ, квакеромъ, сектантомъ и не имѣть никакого зародыша человѣческой жизни, то, повторяю, добро должно въ немъ восторжествовать. Противъ этого нельзя спорить“...

„Я презираю и ненавижу добродѣтель безъ любви, и скорѣе рѣшусь стрѣмглавъ броситься въ бездну порока и разврата, съ можемъ въ рукахъ на большихъ дорогахъ добывать свой насущный кусокъ хлѣба, нежели, затоптавъ свое чувство и разумъ ногами въ грязь, быть добрымъ квакеромъ, пошлымъ резонеромъ, пуританиномъ, раскольникомъ, добрымъ по расчету, честнымъ по эгоизму, не воровать у другихъ, чтобы другимъ не дать права воровать у себя, не рѣзать ближняго, чтобы ближній не рѣзалъ меня. Ты знаешь, что въ моихъ глазахъ женщина, принадлежавшая многимъ по побужденію чувственности, есть женщина развратная... но гораздо менѣе развратная... нежели женщина, которая одному отдала себя на всю жизнь, по расчету или по чувству долга, или женщина, которая, любивъ одного, вышла за другого изъ уваженія къ родительской волѣ и общественному мнѣнію, боролась съ своимъ чувствомъ, какъ съ преступленіемъ, и, побѣдивъ его... убила въ себѣ всѣ человѣческія искры“...

„... Живя въ Пятигорскѣ, я перечелъ множество романовъ и между ними нѣсколько Куперовыхъ, изъ которыхъ вполне понялъ стихіи сѣверо-американскихъ обществъ: моя застоявшаяся, сгустившаяся отъ тины и паутины, но еще не охладѣвшая кровь кипѣла отъ негодованія на это гнусно-добродѣтельное и честное общество торговцевъ, новыхъ жидовъ, отвергшихся отъ Евангелія и признавшихъ старый Заветъ. Нѣтъ, лучше Турція, нежели Америка; нѣтъ — лучше быть падшимъ ангеломъ, т. е. дьяволомъ, нежели невинною, безгрѣшною, но холодною и слизистою лягушкою! Лучше вѣчно валяться въ грязи и болотѣ, нежели опрятно одѣться, причесаться, и думать, что въ этомъ-то состоитъ все совершенство человѣческое.“

(Въ томъ же письмѣ Бѣлинскій воспоминаетъ о своей жизни въ деревнѣ у Бакуяныхъ и говоритъ о томъ влияніи, какое она имѣла на него).

„... Душа моя смягчилась, ея ожесточеніе миновало, и она сдѣлалась способною къ воспріятію благихъ впечатлѣній, благихъ истинъ...“

„Я ощутилъ себя въ новой сферѣ, увидѣлъ себя въ новомъ мірѣ: окрестъ меня все дышало гармоніей и блаженствомъ, и эта гармонія и блаженство частью проникли и въ мою душу. Я увидѣлъ осуществленіе моихъ понятій о женщинѣ; опытъ утвердилъ мою вѣру. Но несмотря на все это, я уѣхалъ изъ ...на¹⁾ далеко не тѣмъ, чѣмъ почиталъ тогда себя; я былъ только взволнованъ, но еще не перерожденъ: благодать Божія стала только доступна мнѣ, но еще не сдѣлалась полнымъ моимъ достояніемъ. И потому мое пребываніе въ ...нѣ, не будучи совершенно безплоднымъ, все-таки не принесло тѣхъ плодовъ, которые я думалъ, что оно уже принесло. И этому опять та же причина: разстройство внѣшней жизни. Я хотѣлъ въ ...нѣ успокоиться, забыться — и до нѣкоторой степени успѣлъ въ этомъ; но грозный призракъ внѣшней жизни (т. е. его крайне разстроенныхъ, матеріальныхъ обстоятельствъ) отравлялъ мои лучшія минуты. Я не хотѣлъ думать о будущемъ; отъѣздъ мой представлялся мнѣ въ какомъ-то туманѣ, какъ будто бы въ ...нѣ я долженъ былъ провести всю жизнь мою. Всѣ житейскія попеченія, всѣ тревоги внѣшней жизни я старался давить въ моей душѣ, и хотя, повидимому, успѣвалъ въ этомъ, но мое спокойствіе было обманчиво; въ душѣ моей была страшная борьба. Во-первыхъ, мысль о

1) Въ это время цѣлью стремленій въ кружкѣ Бѣлинскаго была „полная жизнь духа“, жизнь абсолютная, т. е. заключающая въ себѣ удовлетвореніе всѣхъ высшихъ нравственныхъ интересовъ человѣка, растолкованныхъ философій. «Абсолютная жизнь была равнозначительна пребыванію въ любви, благодати, царствѣ Божіемъ», — такъ что философскій идеализмъ совпадалъ съ религіознымъ. (Пыпинъ, I. 184).

1) Прянухино, названіе деревни Б-хъ.